

РУССКИЙ – ЯЗЫК С ВЫСОКОЙ ИЛИ НИЗКОЙ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬЮ?

И.Г. Милославский (Москва, Россия)

Идея о высоко и низко контекстуальных культурах прилагается в статье к русскому дискурсу. Автор отмечает увеличение в русском дискурсе многозначности слов, не преодолеваемой контекстом, гиперонимов с неясными гипонимами, а также формально не выраженных смыслов. Эти три фактора позволяют предполагать, что русский язык в его общеупотребительной ипостаси дрейфует в сторону более высокой контекстуальности. Однако в сугубо профессиональных и чисто бытовых сферах действует противоположная тенденция.

Ключевые слова: высокая и низкая контекстуальность, русский язык, омонимия, гиперонимия, формально не выраженные смыслы, общеупотребительная, бытовая и профессиональная лексика

RUSSIAN – THE LANGUAGE WITH HIGH OR LOW CONTEXTUALITY?

I. Miloslavskiy (Moscow, Russia)

The idea of the cultures with high and low contextuality is being applied in the article to the Russian discourse. The author marks the increase of the words' polysemy in the Russian discourse, that context does not overcome, the increase of hyperonyms with unclear hyponyms, and also of the sense, that is not formally expressed. These three factors allow to assume, that the Russian language in its general use, goes towards higher contextuality. However, in a strictly professional and purely mundane spheres there is the opposite tendency.

Keywords: high and low contextuality, the Russian language, homonymy, hyperonymity, not formally expressed senses, general, mundane and professional vocabulary

Разделение культур на высоко и низкоконтекстуальные, видимо, отражает релевантное их противопоставление [Hall 1989]. Обращу внимание на то, что в качестве проявления высокой контекстуальности китайской **культуры** обычно приводится тот факт, что для китайского **слова** (чаще произнесенного, чем написанного) весьма затруднительным бывает определение его значения. Для такого определения совершенно необходим контекст. Понимая язык как систему знаков, можно полагать, что в одних таких системах значение знаков (и их последовательностей) более жестко связано с их формой, а в других – это значение более подвижно, вариативно. В существующих классификациях по шкале контекстуальности русская культура относится к высоко контекстуальным наряду с китайской, итальянской, греческой, испанской и противостоит низко контекстуальным, а именно таким, как американская, английская, финская, голландская.

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить, насколько высока зависимость единиц русского языка (прежде всего слов) от разнообразных типов контекстов, а также показать тенденцию изменения такой зависимости.

1. Многозначность, преодолеваемая и не преодолеваемая контекстом.

Принято считать, что многозначность (как и омонимия) преодолевается благодаря контексту, т.е. за счет ситуативной отнесенности, а также соседних слов и словоформ. Между тем в современном русском дискурсе обнаруживается значительное количество случаев непреодоленной многозначности. Так, например, слово *государство*, имеющее значения 1. «страна» (*государства Европы*); 2. «общественное устройство» (*феодалное государство*); 3. «власть» (*государство выделило средства*), будучи весьма употребительным, сохраняет свою неопределенность в таком контексте, как *Политика, враждебная интересам государства*, допуская все 3 возможности, в контексте *О детях должно позаботиться государство* – значения 2 и 3, в контексте *Государство объявило войну* – значения 1 и 3 и т.п.

2. Гиперонимы с неясными гипонимами.

Вопрос о соотношении гиперонимических и гипонимических обозначений, будучи одним из фундаментальных в теории познания, привлекал внимание лингвистов-русистов прежде всего в связи с проблемами терминологии. В то же время в современном русском дискурсе, особенно политическом, весьма часто встречаются слова и словосочетания, содержательное наполнение которых оставляет весьма широкое поле для толкований как и у производителя речи, так и у ее реципиента, ставя, таким образом, под вопрос эффективность осуществляемой коммуникации. Таково, например, словосочетание *традиционные ценности*, где невяжны оба компонента. Как известно, *традиция* – это нечто 1) «давно установивше-

еся» и 2) «имеющее положительную оценку». Напомню, что оценка всегда субъективна (ср., например, *революция* и *переворот*, а также *традиция* и *предрассудок*, *пережиток*, *отсталость*). Кроме того, долгое существование по-разному отражается на ценности разных «предметов» (ср. некоторые старые и сохранившиеся предметы роскошной и повседневной жизни). Это хорошо отражено, в частности, в русской пословице «*Платье хорошо новое, а друг – старый*». Не меньше вопросов возникает и в связи со значением слова *ценности*. Отмечу лишь один из аспектов, где возникает принципиальная неясность. Речь идет об иерархии ценностей. Конституция РФ утверждает в качестве высшей ценности человеческую жизнь, а также право человека не свидетельствовать в суде против своих родных. И если практика отказа от своих осужденных родных (феномен Павлика Морозова), заведомо не заслуживает одобрения (ценность семейных уз выше ценностей законности и справедливости?!), то абсолютный приоритет ценности человеческой жизни может подвергаться сомнению в экстремальных ситуациях, связанных с необходимостью защищать честь собственную и своей семьи, свободу и независимость отечества... Напомню и о том, что «лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

3. Имеется в presupпозиции, но формально никак не выражено.

Русский язык, с его отсутствием обязательных артиклей, форм глаголов соотносительного прошедшего, а также соотносительного будущего времени, выглядит на фоне других европейских языков необыкновенно «доверчивым», полагающимся на ситуацию и проявляющийся в ней здравый смысл собеседников никак не меньше, чем на формальные языковые показатели. Не могу не вспомнить слова З.Н. Гиппиус «если надо объяснять, то не надо объяснять», на первый взгляд, довольно странные, но прекрасно отражающие рекомендацию для общения специалиста с полным профаном, цивилизованного – с дикарем, нравственного – с циником. Опущенные в цитате слова *базовые* (*фундаментальные*) *принципы* довольно легко восстановить. Впрочем, это не значит, что легко всегда и каждому.

Некоторые из подобных «пропусков» относятся к модификационным смысловым признакам, например, к «больше нормы»: *женщина в возрасте*, *качественный продукт*, *денежная работа*. Другие – связаны с синтаксическими конструкциями, как, например, неназывание субъекта при словах категории состояния типа *интересно*, *хорошо*, *скучно*, встретив которые в тексте, всегда хочется задать вопрос «кому?». Особое место в связи с обсуждаемым формальным отсутствием явно подразумеваемого занимают страдательные конструкции типа *вопрос обсуждается*, *решение принято*, *слово предоставляется*, *запрещается*, *разрешается*, *рекомендуется*, *подписано* и т.д. и т.п., которые даже не воспринимаются читателем (слушателем) как содержательно недостаточные. Самый факт наличия подлежащего (пусть и не в форме именительного падежа существительного, но даже в форме инфинитива) уже легитимизирует предложение, в котором никак не названо самое главное «производитель действия» / «создатель (носитель) состояния». Впрочем, в качестве такого субъекта могут в русском языке выступать и существительные, обозначающие орудие: *пуля ранила*, *скрипка рыдает*. Или даже место: *завод изготавливает*, *курорт приглашает*.

4. Развитие русского языка в XX и XXI веке, естественное и управляемое.

Попытаюсь осмыслить изложенное относительно таких явлений в русском дискурсе, как 1) непреодолеваемая многозначность, 2) гиперонимы с неясными гипонимами, 3) отсутствие формального воплощения важных характеристик называемого, с позиций диахронических.

Язык должен непременно изменяться хотя бы потому, что одни предметы и явления уходят из жизни, а другие – появляются. При этом, будучи по своей природе зеркалом действительности, язык может избирать разные техники и для «забвения», и для освоения. В качестве примера предлагаю рассмотреть вопрос о том, как русский язык отреагировал на необходимость называния женщин, занявших те должности, которые еще в начале прошлого века были исключительно мужскими. До этого важного изменения в общественной жизни такие слова как *доктор*, *инженер*, *профессор*, *президент* указывали не только на должность лица, но и на его мужской пол. А соотносительные существительные, обозначающие женщин, либо обозначали жен по должности мужа (*профессорша*, *генеральша*), либо отсутствовали вовсе и заменялись соответствующим словосочетанием. С другой стороны, существовали и некоторые именованья, называющие одновременно и жен, и самих обладательниц соответствующих позиций: *барыня*, *царица*, *императрица*. Обсуждаемые социальные изменения не привели последовательно к тому, чтобы именованья жен по мужу получили и другое значение «женщина, занимающая определенное социальное положение». *Прокурорша*, *деканша* и даже *директриса*, если и обладают теперь таким значением в отличие от прошлого «жена такого-то», сохраняют весьма сильный пейоративный компонент. Реализовалась в большинстве случаев наиболее последовательно другая возможность, а именно утрата указания на мужской пол в словах типа *доктор*, *профессор*, *президент*, которые стали обозначать лиц и мужского, и женского пола. В результате на данном участке увеличилась многозначность, контекстуальное преодоление которой (мужчина или женщина?) оказывается подчас делом весьма затруднительным.

Другой пример увеличения контекстуальности из более близкого к нам времени. Это рост употребления слов-губок, т.е. таких, которые в зависимости именно от контекста могут получать разное конкретное семантическое наполнение: *мероприятие*, *продукт*, *событие*, *руководство* (в значении «лицо») и т.п. Из самых последних подобных проявлений – слово *коррупция* и его производные, принявшие на себя, как кажется, самые разнообразные проявления плохого исполнения своих служебных обязанностей (*халатность*, *попустительство*, *непрофессионализм*, *невнимание*, *недобросовестность*) ради

удовлетворения своей безудержной алчности (*взяточничество, казнокрадство, лихоимство, вымогательство, злоупотребление*) или потакания своим родным (*непотизм*) и близким (*протектирование, круговая порука, фаворитизм*). Кажется, что в нынешнем дискурсе от всех обозначений в этой сфере, где явно недостает *предательства, измены, позора*, остались лишь сниженные слова *распил* и *откат* да мемом «*делиться надо!*»

Впрочем, утверждение, что контекстуальность в русском языке растет, было бы слишком категоричным. Совсем противоположную тенденцию можно наблюдать не только в языке науки, что абсолютно естественно, но во множестве сфер современной **повседневной бытовой** жизни. Так, например, в спортивной терминологии (sic!) вместо *борьба* употребляются *теквандо, греко-римская борьба*, вместо *хоккей*, сохранивший именно узкое старое значение, возник *хоккей на траве*, то же самое с *плаванием*, где появилось *синхронное (артистическое) плавание*. То же разнообразие появилось для названий одежды, прежде обычно называвшееся *рубашкой* (для мужчин) и *кофтой* или *кофточкой* (для женщин): *лонгслив, фуфайка, свитер, джемпер, пуловер, кардиган, водолазка, футболка*. При этом «носители» и существующих слов, и соответствующих одежд часто довольно плохо понимают столь необходимую для товароведов и продавцов одежды разницу между называемыми именно так изделиями швейников. С тем же сталкиваются и посетители российских ресторанов, не очень внятно осознавая, что же скрывается за разнообразнейшими обозначениями в меню. И посетители салонов красоты, путающиеся в типах предлагаемых названий для причесок и других обеспечивающих красоту процедур.

Имея в виду противоречивость тенденций к увеличению/уменьшению контекстуальности, в заключение приведу в качестве примера модное сейчас слово *санкции*, которое может обозначать и «запрет», и «разрешение», что явно свидетельствует в пользу высокой контекстуальности, преодолеваемой лишь контекстом: *ввести санкции против X-а vs получить санкцию на А-а*. Однако здесь же налицо и противоположная тенденция: множественное число для «запрет», единственное – для «разрешение».

Отмечая в русском языке противоположные тенденции по отношению к контекстуальности, необходимо отметить общую их черту. Я имею в виду ослабленное внимание к точности номинации, возможности весьма свободного и широкого толкования слова. Эта особенность русского языка уже давно отмечалась исследователями [Павлов, 2001].

Глубокое теоретическое осмысление высокой контекстуальности русского языка имеет важные следствия и для межкультурной коммуникации [Балагандран, 2016], и для лингвистики. В частности, необходимо признать словосочетания, в том числе и фразеологические, в качестве базовых, наряду с отдельными словами, единиц языка [Коптев, Стексова 2016]. Признание этого обстоятельства будет иметь и сугубо практические следствия для преподавания русского языка как и родного и как неродного, для перевода с русского языка и на русский.

Список литературы

- [1] Балагандран Н. Степень контекстуальности культуры как фактор инференции в межкультурной коммуникации. Мир русского слова, 2016. №4.
- [2] Коптев М.В., Стексова Т.И. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре. – М., 2016.
- [3] Павлов И.П. О русском уме. В кн. Иван Павлов. Рефлекс свободы. – СПб., 2001. – С. 197–125.
- [4] Hall E.J. Beyond culture. – New York, 1989.